

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КАНУН ПРАЗДНИКА
ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ, 2017

Чудесным теплым днем я поднимаюсь на борт судна и отправляюсь навстречу новой жизни.

Судно, которое увезет меня прочь от всего, что было. К чему-то совершенно новому.

Прочь от всего, что вместили последние месяцы.

От всех слез, от всех бессонных ночей, проведенных перед телевизором в компании мороженого. Или как оно там должно выглядеть. Во всяком случае, я всегда именно так представляла себе расставание. Ну ладно, возможно, кто-нибудь на моем месте махнул бы в Австралию, прыгнул с тарзанки или пустился бы вплавь по Нилу на крокодиле, чтобы вновь обрести себя. Но что может быть лучше проверенного киношного способа справиться с навалившимся отчаянием — выплакать все слезы, которые необходимо выплакать, и съесть все мороженое, которое необходимо съесть. Очень-очень много мороженого.

И я попробовала. Накупила кучу коробок с мороженым, сколько смогла унести. Но мой желудок

запротестовал уже после двух. Лактоза уничтожила мои шансы на киношную скорбь. Оставалось просто лежать на диване. В полном одиночестве. И глазеть на мир через экран телевизора. На мир, который внезапно стал чужим и далеким.

День, когда Данне, с которым мы встречались уже три года, решил объявить о разрыве наших с ним отношений, начался хуже не бывает: с приступа цистита. Мое тело каким-то странным образом всегда заранее чувствует, что должно случиться что-то плохое, и по-своему меня предупреждает. Вот такая у меня суперспособность. В первый раз она проявила себя утром перед Рождеством двадцать пять лет назад, когда мама сообщила мне, что больна. Серьезно больна. С тех пор я поняла, что цистит означает плохие новости. И это знание меня еще ни разу не подводило.

Однако должна признать, что монолог Данни на тему «давай разбежимся» огорошил меня не меньше, чем мамино известие о болезни. Хуже всего то, что почти никаких причин для этого не было. Кроме одной — он больше меня не любит. Именно так он объяснил мне свое желание уйти, пока я сидела и хлопала глазами за столиком в кафе «Техас Лонгхорн» тем апрельским вечером. Он не сказал *я встретил другую* или *мы совсем перестали заниматься сексом*. Он просто сказал, что больше меня не любит.

И что я должна была на это ответить?

Ничего.

В тот же вечер он собрал свои вещи и ушел. Через неделю приехал фургон с грузчиками, и те за-

брали диван, который по факту принадлежал ему, и несколько коробок.

А потом тишина. Слезы. И, разумеется, подбадривающие телефонные разговоры с моим лучшим другом Закке.

И вот теперь я здесь. Плыву по сверкающим июньским водам Балтийского моря. Просто удивительно, куда порой может забросить тебя жизнь.

В Стокгольме лето, и вокруг парома «Серебряная стрела» снуют симпатичные парусные яхты по соседству с роскошными рычащими катерами. Пол парома постукивает под ногами, и прохладный ветерок обдувает лицо.

В ушах композиция «Wanted man»¹ группы NEEDTOBREATHE. Come and get me!² — напевает своим неповторимым скрипучим голосом Беар Райнхарт, в то время как впереди на горизонте появляется и начинает медленно расти покрытый зеленью массив шхер.

Буллхольмен. Остров, который в ближайшие месяцы я стану называть своим домом.

Мой пульс учащается, когда я вижу, как начинают готовить сходни для высадки на берег. Отныне пути назад нет. Приехали. *Вот дьявол.*

Мой чемодан на колесиках скрипит по гравию. Я прохожу мимо киоска с мороженым и еще парочки лавок, торгующих жареной салакой и свежими креветками. За спиной — гостевая бухта, где при-

¹ Я в розыске (англ.).

² Приди и забери меня! (англ.)

езжающие швартуют свои парусные яхты в преддверии праздника. Я прочитала, что где-то здесь есть гостиница. И даже небольшой магазин «ИКА» и ресторанчик, в котором подают пиццу и гамбургеры с маринованным луком (я много раз гуглила меню в Интернете, и надо сказать, я просто *обожаю* маринованный лук). Но впереди справа я уже вижу вывеску, обозначающую вход в Буллхольменский садоводческий кооператив. Я останавливаюсь и наклоняюсь к моему маленькому розовому чемоданчику на колесиках. Достая из кармана смартфон и делаю снимок, который тут же отправляю Закке с текстом: *Я на месте!*

И почти сразу же получаю ответ: *Вижу кусты и деревья. Просто мурашки по коже. Будь осторожна!*

Я миную вход и окидываю взглядом маленькие домики, утопающие в зелени садов. Этакое попури пастельных оттенков, отцветших яблонь и насосной станции, где дачники берут воду для полива грядок. Я устремляюсь по Огуречному переулку, а жить буду на Редисовой улице. Знаю, звучит глупо. Это и есть глупость. В смысле, тот факт, что я здесь. Всего несколько недель назад я была обычной стокгольмской девчонкой без планов на лето. Со съемной квартирой в районе Сёдермальм, работой на полную ставку и тремястами тысячами наличных. Ей-богу, я никого не ограбила. Честное слово. Триста тысяч я добросовестно скопила. На это ушло несколько лет, но у меня была мечта. Мы с Данне собирались поднакопить денег, а потом вместе купить летний домик. Где-нибудь у воды.

В тот вечер я даже притащила в «Техас Лонгхорн» найденное в газете объявление о продаже. Домик в Остхаммаре. И собиралась показать ему. Я понимала, что в последнее время для нас все складывалось не слишком радужно. Я вкалывала как проклятая, чтобы выдержать конкуренцию с сокращенными и уволенными сотрудниками, которые появились, когда дело дошло до отмены внештатных вакансий. Но все же заметила, что несколько дней в неделю Данне стал чуть дольше задерживаться на работе и даже чаще, чем обычно, встречаться со своими приятелями. Но я старалась думать о том, что мы вместе уже несколько лет. Где найдешь пару, которая после стольких лет отношений станет каждый вечер устраивать себе романтический ужин? И покажите мне тех умников, которые постоянно готовят ризотто и прочую итальянскую стряпню! Пустяки, уговаривала я себя. В конце концов, нет ничего страшного в том, что после нескольких лет совместной жизни все наше меню свелось к тайской кухне навынос, роллам с фалафелем и супам быстрого приготовления. И уж вовсе не стоит удивляться тому, что мужчина и женщина не всегда спят в одной постели. Или это все же странно? Но ведь я не сверхчеловек!

В том маленьком домике в Остхаммаре был сосновый пол. Сосновый пол, обитые панелями стены, летняя кухонька и белые, колышущиеся на ветру занавески. Все это было указано в объявлении, которое я принесла в бумажном пакете в кафе. Но потом прозвучали эти слова:

Силла, нам надо поговорить.

Когда он так сказал, я сразу все поняла. Содержимое моего пакета превратилось в лед. Клубы увяли, солнце зашло за тучу и белые кружевные занавески слетели на пол.

Поэтому в тот день, когда приехала машина для перевозки вещей, я рассталась не только с Даниелем, но и с моей мечтой. Мечтой о загородном домике. Где я бы училась выращивать овощи, читала романы в шезлонге и готовила обеды на свежем воздухе. После нескольких дней поиска по сайтам с недвижимостью я поняла, что с моей зарплатой четверти миллиона в качестве взноса надолго не хватит, хотя мне они и кажутся целым состоянием.

И тогда я заплакала. Позвонила Закке и пожаловалась на мою неудавшуюся судьбу. А он в ответ сказал: *Перестань ныть, черт тебя побери, и купи себе садовый участок!*

Мне такое даже в голову не приходило. Но тут меня как током ударило. Я села за компьютер и принялась гуглить как безумная. И довольно быстро убедилась, что большинство считает садовые участки пустой затеей. Во-первых, они стоят денег, а во-вторых, чисто технически ты не владеешь землей, а только арендуешь ее у кооператива, поэтому, если когда-нибудь надумаешь ее продать, то никакой особой выгоды не получишь. Кроме того, многие писали, что на садовом участке надо вкалывать куда больше, чем может сначала показаться. Придется возделывать землю, полоть сорняки, поливать — в общем, содержать его в чистоте и порядке.

По правде сказать, я уже была готова расстаться со своей мечтой, когда одной бессонной ночью, сидя у себя в квартирке на Бастугатан, я внезапно наткнулась на объявление на сайте газеты по продаже недвижимости.

Небольшой садовый участок в идиллии шхер!

Я абсолютно не разбираюсь в Стокгольмском архипелаге. Бывала когда-то на Фьедерхолмерне и Сандхамне. Но Буллхольмен был мне совершенно не знаком. Маленький живописный островок, где почти никто не живет зимой, но чрезвычайно популярный у туристов летом. И с садоводческим кооперативом с шестьюдесятью двумя садовыми участками и расположенными на них домиками.

Мой участок, а той ночью я уже видела его своим, находился по адресу Редисовая улица, 14. Я влюбилась в него, едва увидев выложенные в Интернете фотографии. Домик площадью в двадцать квадратных метров с маленькой кухонькой, мансардой, туалетом и водопроводом (правда, без душа). Стоило сие удовольствие 290 000 крон плюс ежемесячная арендная плата в 1000 крон. То, что надо.

Я сворачиваю на Редисовую улицу, по дороге заглядывая во все сады, мимо которых прохожу. Тетеньки и дяденьки лежат и загорают до оттенков как в передаче «Лето на Первом». Со смехом резвятся возле поливочных водораспылителей дети. Розовокрасный от загара и с голым торсом мужик средних лет подстригает газон. Наконец я останавливаюсь. Вот он, номер четырнадцать.

Бог ты мой, я здесь. Впервые вижу это место воочию. Я сглатываю. Домишко-то совсем крохотный. Я ведь знала, что он будет небольшим, но, мама моя, он же в самом деле маленький. *Petit*, как говорят французы. Вот интересно, получится у меня уместиться внутри? Или этот домик строили исключительно для тощих, как шпильки, французенок?

У калитки я ненадолго задерживаюсь. Достая смартфон и переключаю музыкальный плей-лист на мое последнее увлечение: аудиокнига «На собственных ногах» от какого-то известного телевизионного психолога, о которой, если бы не Закке, я бы так никогда и не узнала. Текст читает Баббен Ларссон, и есть что-то такое в ее теплом готландском выговоре, от чего слова, когда я их слышу, западают мне прямо в душу. *Каждый раз, когда вас охватывает страх, — не сопротивляйтесь. Не гоните его прочь и не убегайте сами. Просто позвольте ему овладеть вами. И вскоре он пройдет.*

Деревянная калитка скрипит, когда я медленно ее отворяю. По правую руку — газон с большой развесистой яблоней, несколько кустов и круглая лужайка с засохшими цветами.

Слева — несколько грядок, где из черной земли торчат зеленые, но поникшие стебли каких-то трав. А еще есть летняя кухня. Во всяком случае, в объявлении упоминалась летняя кухня. В действительности же это просто столешница. И стоящее рядом ведро для воды.

Я подхожу к двери домика. Достая ключ, который прошлая владелица Анита Ларссон передала

мне на Центральном вокзале в Стокгольме. Ненадолго закрываю глаза и вдыхаю ароматы лета и горячего гравия. *Обнимите страх, ведь он ваш друг*, читает Баббен.

Наверное, мне стоит подыскать себе других друзей, думаю я.

После чего вставляю ключ в замок.

ГЛАВА ВТОРАЯ ТЕМ ЖЕ ВЕЧЕРОМ, НО ПОЗЖЕ

У Каролины Аксен новое платье. Белое, облегающее, с глубоким V-образным вырезом на спине, украшенным светло-розовыми кружевами. За платье было уплачено шесть тысяч крон, но Каролина считала, что оно того стоило. В ее семье недостатка в деньгах нет, скорее наоборот, но ведь ей всего девятнадцать лет — что она понимает в таких вещах? Только что окончила гимназию. Ни работы, ни собственного капитала, так что любую вещь, которую она хотела купить, по-прежнему приходилось согласовывать с отцом.

И это белое платье от Натали Шутерман не стало исключением. Потому что Каролине, разумеется, требовалось новое платье для дня летнего солнцестояния. Это было традицией. Семья Аксенов ежегодно отмечала этот праздник на Буллхольмене с тех пор, как Каролине исполнилось семь, и каждый год девочка получала еще одно красивое пла-

тье в подарок специально для праздничного вечера. С тех пор ничего не изменилось, разве что наряды теперь выбирала она сама.

Всего неделю назад она стояла в бутике, с наслаждением пропуская сквозь пальцы светлую нежную ткань. В ушах грохотала истеричная музыка, и она представляла себе, каким будет праздник в этом году. Она будет танцевать всю ночь напролет. Танцевать с Бенжамином, целовать его, а потом они вместе побегут к морю, станут плескаться и скидывать с себя одежду.

Летний праздник на Буллхольмене — это всегда идиллия. А теперь, когда у нее, помимо всего прочего, есть парень, так вообще сказка.

Хотя что-то не так. Что-то *кажется* неправильным.

Каролина не может сказать, что именно.

Они, как обычно, отметили день летнего солнцестояния праздничным ужином на причале возле папиной яхты: Каролина, папа Людвиг, его новая пассия Лена и ее дочь Йенни.

И, как обычно, здоровались со всеми знакомыми.

Как обычно, поднялись в гостиницу и открыли шампанское.

А теперь обеденный зал гостиницы превратился в танцпол. Скоро уже десять часов вечера, из динамиков гремит «Летнее время». Ее так называемая мачеха отплясывает так, что стыдно за нее делается. Но даже это в порядке вещей. А вот Бенжамин здесь нет. Не таким виделся в мечтах Каролины этот вечер.

Он на улице. Стоит и курит, хотя знает, что отец Каролины терпеть этого не может. Разговарива-

ет с *ней*. С Иной. Ина в платье предположительно из «Джина Трико». Ина, которая и краситься-то не умеет: ресницы как у клоуна в «Оно». Ина, которую Каролина знает с десяти лет. И которую когда-то называла лучшей подругой.

Они стоят слишком близко друг к другу. Дурацкая мысль, и Каролина это знает, но все равно ревнует. Но ей в самом деле трудно понять. Почему. Почему Бенжамин, парень, с которым она вместе уже почти полгода, стоит здесь с другой девушкой вместо того, чтобы танцевать в зале с Каролиной? Очевидно, потому, что Ина тоже курит. *Чертовы сигареты.*

— Карро!

Из-за спины Каролины, пританцовывая, появляется мачеха Лена. В руке у нее какое-то ядовитожелтое пойло — похоже на бокал с соплями.

— Ты почему не танцуешь, Карро?

— Уже иду.

— Ты чем-то опечалена?

— Нет.

— Сердишься?

Каролина вздыхает.

— Нет, все в порядке, Чилла.

Ее мачеха шутливо вскидывает ладони.

— Прости! Я только пытаюсь тебе помочь.

— Спасибо, не надо.

— Если тебе грустно, то спускайся к сестре на яхту. Она наверняка обрадуется компании. А то лежит там совсем одна и читает.

Каролина закатывает глаза, и ее мачеха, танцуя, убегает прочь, а «Летнее время» между тем